Я тихо подняла средний палец, не успела карета полностью пропасть из поля зрения.

«Он несет чушь. Если бы я правда была только ребенком, оскорбления виконта Путерио оставили бы достаточно глубокий шрам, чтобы у меня на всю жизнь осталась травма. Но с учетом прошлой жизни мне же не двенадцать лет?»

Прикрываясь прошлой жизнью, я смогла отмахнуться от таких оскорблений.

— Сислин, нам нужно помыть уши. Ты столкнулся с человеком, у которого какашки лезут изо рта, — я храбро высказалась и вытерла уши Сислина руками.

Чисто.

Скрип-скрип

«Но это довольно странно».

Само по себе появление этого человека было странным.

«Очевидно, что такого момента в первоисточнике не было».

Если бы такое случилось в первоисточнике, я бы подготовилась...

Как бы я ни рылась в воспоминаниях, не было такого, чтобы он попадал в Сад. Но что случилось, то уже случилось, сейчас лучше всего было найти решение.

«Маркиз Корел».

Статист, которого в оригинале не было. Я запомнила его, потому что у него было довольно необычное происхождение.

«У этого человека было очень слабое здоровье. И даже мизофобия.»

Беспокоясь о здоровье, он постоянно будоражил больницы, и он мучился острой мизофобией, которая возникла у него из-за страха подцепить болезнь. Даже после рукопожатия он всегда менял перчатки. Он был чувствительным, и у него случались припадки даже из-за тревоги.

«Он и виконт Путерио, вероятно, пару раз продавали рабов?»

Вероятно, вот почему виконт Путерио не оставлял разрешение спора лорду Фердесу, где

находилось его рабочее место, а вместо этого настоял на том, чтобы вызвать лорда Корела, который властвовал над этим регионом.

«Раз так, то завтра шансов на победу нет…»

— Ты в порядке? — на мгновение прекратив размышлять, я задала Сислину этот вопрос.

Может, дело в том, что он промок? Просто я чувствовала, что он дрожит, как осинка. Просто, когда я смотрела в его полное ужаса лицо, у меня болело сердце. Внезапно оскорбительные замечания виконта снова пришли ко мне на ум.

«Порой дети просто становятся отбросом сексуального желания.»

…Как же, должно быть, устал и измучился от таких жестоких замечаний Сислин.

Если бы меня поймал мужчина с таким резким, как отточенный клинок, языком, мое чувство собственного достоинства было бы под плинтусом.

Вдруг я вспомнила, что мальчик сказал при нашей первой встрече:

«Я грязный. Если ты со мной будешь говорить, то тоже замараешься.»

У меня запульсировало и заколотилось сердце, когда я представила, какие оскорбления он выслушал.

Когда я погладила мальчика по спине, он мягко шепнул:

— С Аннетт все в порядке?

Даже сейчас Сислин беспокоился обо мне. Хотя он и дрожал…

— Я в порядке!

— Я тоже в порядке, Аннетт.

— Сислин, если тебя привели в ужас, можешь сказать: «Я напугался», и «Я боюсь», когда ты чувствуешь страх. Это нормально для таких детей, как ты, — я мягко погладила Силина, как будто чтобы успокоить его.

И тут приунывший Сислин сказал что-то неожиданное:

— Я бы лучше вернулся в пещеру.

— Что?

— Если я буду там, никому меня не достать.

И тут я поняла. Зачем Сислин вошел в пещеру? Он не просто из-за того прятался, что у него была обострена чувствительность. Он был убежден, что там безопасно. Место, куда не попасть тем, кто его мучил. Ему было весьма комфортно в этой узкой, грязной и одинокой пещере. У меня отяжелело сердце.

— Нет, — я сказала это, уверенно накрыв щеки Сислина обеими руками, — я ни за что не оставлю тебя в этой темноте снова.

«Ну, я говорю прямо как Гвангон».

— Теперь ты будешь со мной вместе, Сислин.

Прекрасные алые, как рубины, глаза дрогнули. Он переспросил тихим голосом:

— Всегда вместе?

— Да! — когда я широко улыбнулась, уши Сислина покраснели.

Мальчик тихо склонил голову, как будто пряча свое симпатичное лицо, и ответил:

— Да.

«Ах, как мило».

Я уверенно подмигнула:

— Да, так что просто доверься мне!

* * *

Сегодня днем я вместе с Генрихом отправилась к мусоросжигательной печи. Там сжигали отходы от Сада, так что сюда Саженцам обычно нельзя было приближаться.

— ...Сестра, тебе правда так нужно это сделать?

Генрих не мог скрыть недовольства, он сказал это, прикладывая руку к затылку:

— Ты можешь просто отправить это чудовище к виконту.

— Генрих, нельзя говорить такие гадости.

— Почему!

— Он наш друг.

— Эй, с каких пор мы стали друзьями... — тихо пробормотал Генрих, его фиолетовые глаза засияли. — Я не хочу с ним дружить... И моя сестра так любит этого парня.

Я схватила Генриха за руку и улыбнулась.

— Как бы там ни было, спасибо, что пришел вместе со мной, Генрих.

— !..

Мягкие, как булочки с бобами, щеки Генриха дернулись и шевельнулись. Затем они быстро покраснели, словно вкуснейший зрелый персик.

— Хм, нечего благодарить меня за такие очевидные вещи, — Генрих легко забрался на забор с колючей проволокой, который был вдвое выше него, и затем спрыгнул.

— Ой, берегись.

Стук...

Удачно приземлившись, он вытер руки и открыл замок снаружи. Когда я вошла, то не забыла легко обнять мальчика.

— В конце концов, Генрих только один...

Генрих застонал, сведя плечи, как котенок, который впервые поймал мышь.

«Ах, как и следовало ожидать от такого милого малыша!..»

Я улыбнулась и вошла на территорию с мусоросжигательной печью. Я немедленно собрала одну за другой утренние газеты за последний месяц и стала читать.

Я искала статью о виконте Путерио или об области Фердес. Виконт Путерио был довольно знаменит в своем кругу как человек, управляющий крупным невольничьим рынком. Если бы недавно что-то произошло, это произвело бы волновой эффект, достаточный для того, чтобы об этом написали в газете.

«Очень странно, что он ни с того ни с сего приехал в Сад. А еще – чтобы забрать ребенка».

http://tl.rulate.ru/book/80642/2696399